

«По мере обострения конфликта срединная позиция исчезает»: венгерские политологи о новом взгляде на посткоммунистические режимы

Украина

Венгрия

Интервью

Россия

Егор Сенников поговорил с Балинтом Мадьяром и Балинтом Мадловичем о Венгрии, России и Украине.

Егор Сенников

интервью

«Гибридные режимы», «транзит», «переход от диктатуры к демократии» — эти термины и словосочетания часто мелькают в прессе, телеграм-каналах и выступлениях политиков. Но что стоит за ними? Насколько идея сочетания демократии и диктатуры адекватна реальности? Справедливо ли сравнивать любой режим с западными демократиями? Об этом Егор Сенников поговорил с венгерскими политологами Балинтом Мадьяром и Балинтом Мадловичем, авторами книги «Посткоммунистические режимы», вышедшей в издательстве «Новое литературное обозрение». Они предлагают новый взгляд на причины и ход смены политических систем в посткоммунистических странах, рассказывают, как государство может попасть во власть мафиозных структур, и отвечают на вопросы о будущем.

Чтобы не пропустить новые тексты Perito, подписывайтесь на наш телеграм-канал и Instagram.

Расскажите, как у вас появился интерес к теме посткоммунистических режимов.

Балинт Мадьяр: Интерес к коммунистическим режимам у меня появился, когда я учился в Университете Этвоша Лоранда в Будапеште в 1972–1977 годах. До этого мне пришлось год отслужить в армии. Так я обнаружил, что в нашем батальоне в провинциальном городке есть осведомители секретной службы.

Даже когда я учился в гимназии, я сомневался в действиях режима, замечая противоречия между идеалистическими целями и реальными действиями. А во время службы я понял, что этот режим не реформируем. С тех пор я считаю себя критиком социалистических режимов. После окончания университета в 1977 году я стал научным сотрудником в Институте мировой экономики.

► [Подробнее про Венгрию во времена Яноша Кадара](#)

Тогда [осенью 1977 года. — Е. С.] прошли первые крупные акции протеста с требованием солидарности с Вацлавом Гавелом, находившимся в заключении в Чехословакии. Я подписал заявление в его поддержку и в целом был тесно связан с демократической оппозицией в Венгрии. Впоследствии меня несколько раз увольняли из разных исследовательских институтов из-за моей активности.

► *Подробнее про Вацлава Гавела*

Так продолжалось до 1988 года, когда была создана либеральная партия «Альянс свободных демократов». Я принимал участие в ее создании и был участником переговоров между оппозиционными силами и коммунистической партией о мирном переходе. На первых выборах я стал депутатом парламента и оставался им на протяжении 20 лет, с 1990 по 2010 год. За это время я дважды был министром образования.

После 2010 года я ушел из политики, и я бы сказал, что либеральные партии тоже. Я снова стал социологом, ведь я окончил университет по специальности «социология и история». С 2013 года занимаюсь социологией, антропологией и экономикой посткоммунистических режимов.

Балинт Мадлович: Моя карьера началась примерно в то время, когда Балинт Мадьяр вернулся в академию. Первая книга Мадьяра о посткоммунистическом мафиозном государстве Венгрии была опубликована в 2013 году, и она стала очень популярна, разошлась тиражом в 16 тысяч экземпляров. Я в этот момент заканчивал бакалавриат, изучая экономику, и был очарован вышедшей книгой. Я сразу захотел присоединиться к проекту. Книга описывала окружающий меня мир и была точна в этом больше, чем любая другая теория, описывающая метод правления Виктора Орбана.

Впервые я использовал понятие «мафиозное государство» в статье 2014 года, а сам стал участвовать в проекте в 2015 году, когда написал главу в один из сборников исследований на венгерском языке. В 2016–2017 годах мы с Балинтом приступили к важной работе над книгой «Анатомия посткоммунистических режимов». В 2018 году, после того как я получил степень магистра политических наук в ЦЕУ в

Будапеште, мы получили стипендию от Института перспективных исследований ЦЕУ (IAS) и посвятили год написанию книги. Наша задача состояла в том, чтобы разработать связный концептуальный аппарат, обобщающий все аспекты структуры политических, экономических и социальных явлений — анатомию посткоммунистических режимов. Книга вышла в 2020 году.

► Подробнее про ЦЕУ

Ваш интерес к этой теме вызван политической ситуацией в Венгрии? В чем конкретно заключаются противоречия между классической либеральной теорией и изменениями посткоммунистических режимов на практике?

Балинт Мадлович: Да, интерес вызван ситуацией в стране. До 2010 года ситуация в Венгрии считалась образцом перехода к либеральной демократии. В одной из самых известных книг по политологии «Конкурентный авторитаризм» Стивена Левицки и Лукана Вэя утверждается, что западные связи (linkage) и рычаги (leverage) являются ключом к демократизации стран, входящих в ЕС: чем больше страна связана с Западом, чем больше у него рычагов влияния это государство, тем больше вероятность демократизации. Книга вышла 2010-м, в том же году, когда Виктор Орбан пришел к власти и обратил весь процесс вспять, поведя Венгрию по пути, который нельзя просто описать в шкале демократия-диктатура.

► Связи и рычаги

Согласно теории гибридных режимов, большинство политических режимов находится на одной оси между либеральной демократией и классической диктатурой. Между этими точками лежит широкая серая зона различных типов режимов, которые не являются полностью ни демократическими, ни диктаторскими, а, скорее, находятся в промежуточном состоянии, сохраняя демократический фасад, но прибегая к автократическим практикам.

Наша работа оспаривает эту парадигму. Мы считаем, что одной оси попросту недостаточно для интерпретации многих режимов. Эта парадигма вместе со всеми своими аксиомами сформировалась на рубеже тысячелетий, когда многие

политологи отказались от идеи линейного перехода к либеральным демократиям.

А почему так произошло?

Балинт Мадлович: После распада СССР многие стали смотреть на перемены в других посткоммунистических странах излишне оптимистично. Считалось, что, несмотря на многочисленные проблемы, эти страны наконец двигаются в *правильном* направлении. Многие надеялись, что они преодолеют свои первоначальные трудности, своего рода детские болезни, и в итоге станут частью либеральных демократий.

Однако это была иллюзия. Довольно быстро стало понятно, что **многие режимы, считавшиеся переходными, на самом деле являются «конечными станциями»** и не планируют двигаться дальше. Это осознание привело к замене понятия «транзитология» на то, что сейчас называется «гибридологией». Акцент сместился с идеи перехода к признанию существования гибридных режимов, характеризующихся сочетанием демократических и диктаторских методов. Проблема этой парадигмы заключается в том, что хотя появились новые ярлыки, но детали и инструменты описания остались прежними. Сами термины по-прежнему берут западную демократию за отправную точку для анализа посткоммунистических режимов.

Знаете, это как если бы вы пришли зоопарк и увидели слона, которого все называют «нелиберальной рыбой», говоря, что технически это рыба, просто совершенно особенная. У нее отсутствуют важные компоненты — плавники или чешуя. Это не приближает нас к ответу. Посткоммунистические режимы принципиально отличаются от западных режимов, и мы не можем их осмыслить или описать исключительно через призму демократии. Это требует разработки новых подходов и постановки под сомнение аксиом, лежащих в основе традиционной парадигмы.

PÁNEURÓPAI PIKNIK '89

NEMZETKÖZI SZALONNASÜTÉS A "HATÁRTALAN" BÉKÉÉRT
1989. AUG. 19-ÉN 15⁰⁰ TÓL SOPRON – ST. MARGARETHEN
KÖZÖTTI HATÁRSÁVBAN A "VAŠFÜGGÖNY" HELYÉN

RENDEZŐK: MDF Debreceni Szervezete
Soproni Ellenzéki Komitétusok, MDF

Soproni Ellenzéki Kerekasztal: MDK
SZDSZ, FKGP, FIDESZ
Országos Klubtanács

Паневропейский пикник — это мероприятие, организованное венгерскими оппозиционными партиями 19 августа. На пикнике планировалась символическая встреча немцев, австрийцев и венгров на границе между Австрией и Венгрией. Для этого временно были созданы ворота в колючей проволоке.

Wikimedia

Была ли классическая либеральная теория эффективным инструментом для анализа переходных режимов, особенно на посткоммунистическом пространстве?

Балинт Мадлович: Мы считаем ошибочным описывать режимы, отталкиваясь от идеи перехода к демократии, равно как и считать, что посткоммунистические страны были и остаются просто «сырыми», неполными демократиями.

Балинт Мадьяр: До смены режима в коммунистических странах преобладали две основные черты: монополия государственной собственности и однопартийная система. Это создавало иллюзию, будто эти общества похожи и что при наличии политической воли везде можно ввести любой иной тип режима. И это было ошибкой, так как подобный взгляд предполагал неявные аксиомы.

Во-первых, мейнстримный анализ фокусировался только на формальных политических институтах, упуская из виду экономические, социальные и неформальные. Во-вторых, предположение, что формальные субъекты и институты представляют всю правящую элиту, ошибочно во многих посткоммунистических режимах. Нередко это лишь каналы для действия неформальных организаций. В-третьих, такой взгляд предполагал, что государство по определению служит общественному благу, а негативные действия происходят из-за политических ошибок или коррупции. Но некоторые посткоммунистические государства преследуют сугубо частные интересы конкретной политической семьи. Мейнстримный анализ не в состоянии признать эти недостатки.

И как разрешить это противоречие?

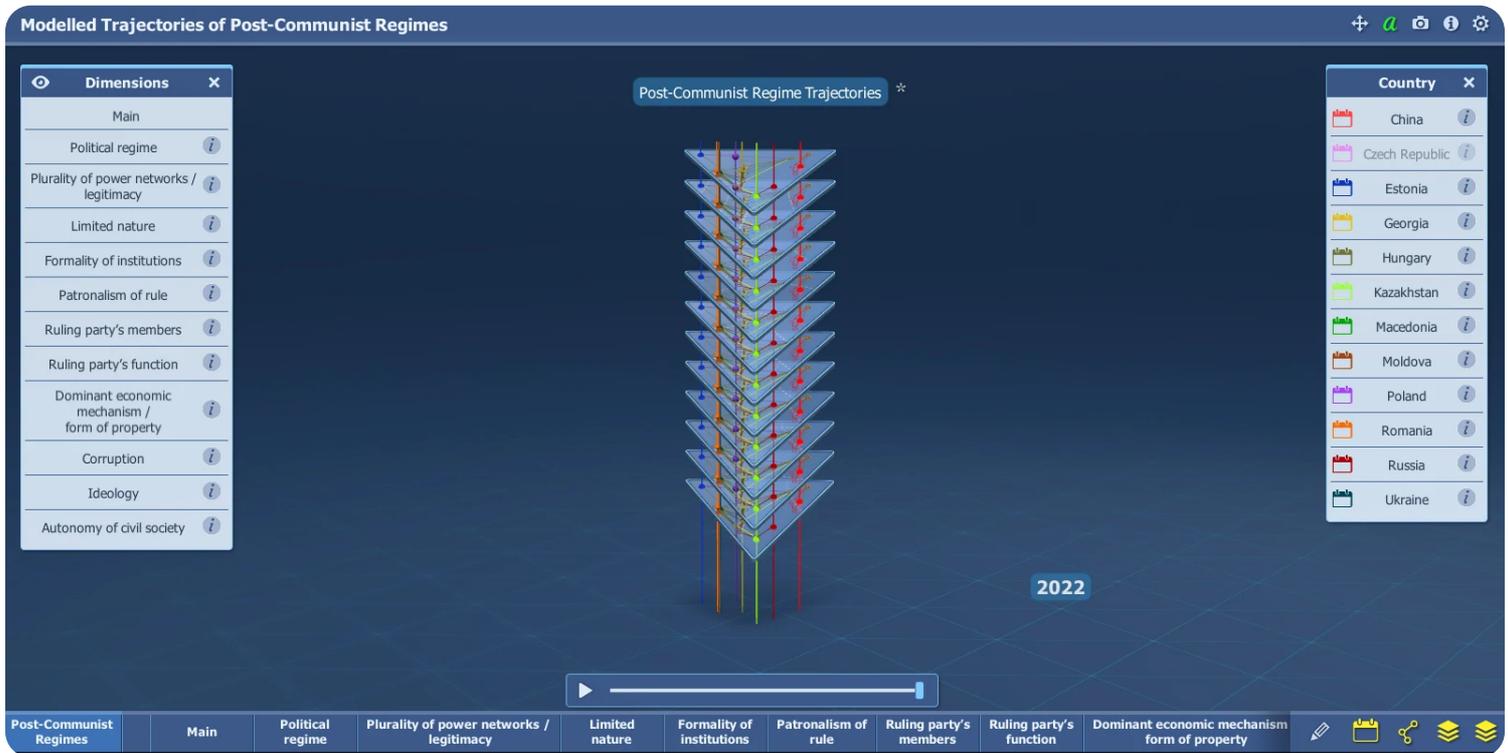
Балинт Мадьяр: Чтобы проанализировать траектории посткоммунистических режимов, мы разработали треугольную схему, в углах которой лежат три основных типа режимов: демократии, автократии и диктатуры. В рамках демократий мы различаем либеральные демократии и патронатные демократии, где реальными действующими лицами являются патрон-клиентские сети, использующие политические партии и формальные институты в качестве прикрытия.

Автократии делятся на бюрократические или консервативные автократии и патронатные автократии. Последние подразумевают наличие одной сети отношений, которая трансформирует формальные отношения в неформальные, или клиентские. Наконец, мы отличаем классическую коммунистическую диктатуру от рыночно-эксплуаторских диктатур, сочетающих однопартийные системы с разнообразными взаимоотношениями собственности и патронализма.

► *Подробнее про патрон-клиентские отношения*

Большинство посткоммунистических стран не смогли достичь либерально-демократической системы, а вместо этого оказались в категориях патрональных демократий или патрональных автократий. Это объясняется цивилизационными и историческими особенностями каждой страны. Западнохристианские государства чаще принимают форму либеральных демократий или патрональных демократий, в то время как православные страны склонны к патрональным демократиям или патрональным автократиям. Мусульманские республики Центральной Азии, в свою очередь, чаще принимают форму патрональных автократий.

Существует только два заметных исключения из общего тренда: Грузия временно перешла к либеральной демократии, но затем вернулась к патрональной демократии, а Венгрия сместилась от либеральной демократии к патрональной автократии после автократического прорыва в 2010 году.

Интерактивная модель треугольной схемы траектории посткоммунистических режимов

postcommunistregimes.com

Как вы думаете, какие универсальные факторы влияют на это?

Балинт Мадлович: Мы думаем, что здесь сочетается зависимости от пути (path dependency) и деятельность политических акторов. Исторические институты очень важны, как и возможность реформ. Значимую роль играют и культурные паттерны, они сильно влияют на отношения между политикой, экономикой и обществом. Вообще, чем дальше на восток, тем менее обособленными становятся эти сферы. А это ведет ко все более покровительственным системам, в которых политические деятели интегрируют экономические факторы в свои позиции.

В западных режимах сотрудничество политиков означает, что политик ищет политические выгоды, а предприниматели — экономические. Однако в патрональных режимах сочетаются политическая и экономическая сферы и задачи. Именно благодаря этому культурному влиянию мы наблюдаем множество покровительственных режимов в Восточной Европе.

► **Что такое зависимость от пути (Path dependency)?**

С другой стороны, наличие автократии или демократии зависит от двух институциональных факторов — пропорциональной избирательной системы и разделения исполнительной власти. Пропорциональная избирательная система не позволяет одной партии получить большинство власти при меньшинстве голосов. Разделение исполнительной власти означает, что нет позиции, объединяющей всю власть. Страны с такими институциональными ограничениями, например Болгария и Словакия, могут сопротивляться установлению патрональных автократий, даже если есть акторы, которые желают автократического правления.

Балинт Мадьяр: Степень патронализма имеет решающее значение, поскольку не все попытки построить авторитарную власть приводят к полностью патрональным автократиям. Возьмем, к примеру, Польшу, где мы видим сдвиг в сторону консервативной автократии без полного автократического прорыва.

А как оценить эту степень?

Балинт Мадьяр: Есть четыре основных уровня анализа. Первый описывает, где принимают решения: в формальных или неформальных институтах или путем решения «окружения главного шефа». Под этим мы имеем в виду группу лиц, занимающих как формальные, так и неформальные позиции, которая окружает «главного покровителя» или «крестного отца», как это работает в Венгрии вокруг Виктора Орбана или в России вокруг Путина.

Второй уровень оценки концентрируется на нормативно-правовой базе: чем больше ограничительных мер она содержит, тем более патрональным считается режим. Третий уровень рассматривает, является ли принятие решений коллективным или личным. Четвертый уровень описывает структуру и характер отношений между формальными и персональными акторами в обществе, грубо говоря как соотносятся действия политиков-индивидов и формальные правила.

Чем больше в этих четырех измерениях присутствует патрональных характеристик, тем более патрональным считается режим.

Проще разобрать на примере. В Венгрии автократический прорыв произошел в

2010 году, когда Орбан получил парламентское большинство, что означало монополию правящей элиты на политическую власть. После этого, в следующей фазе автократической консолидации, были упразднены автономные позиции в экономической, медийной и общественной сферах и заменены патрональными отношениями. Хотя это подчинение может быть не так формализовано, как при коммунизме, система выстраивает патрон-клиентские отношения в обществе. Создавая новые цепочки иерархии и управления, которые действуют сперва параллельно с формальными правилами, а затем вместо них, режим подрывает возможность создания в обществе эффективной оппозиции или альтернативного центра силы.

Что делает коммунизм таким особенным, что он может объединить такие разные страны — от Узбекистана до Венгрии, от Сербии до Эстонии?

Балинт Мадлович: Короткий ответ: все эти страны находились под властью коммунистических диктатур, поэтому, когда распался Советский Союз, все они начинали примерно из одной точки. В разработанной нами треугольной структуре большинство этих стран попадают в угол коммунистической диктатуры.

Конечно, они не были полностью идентичными и до распада Советского Союза. Существовали различия, Венгрия и Румыния отличались от Польши или Чехословакии. Но коммунистическая диктатура наложила на них объединяющую структуру. Двумя ее ключевыми чертами были однопартийная система и государственная монополия на собственность, которые объединили социальную сферу и существенно повлияли на социальные структуры и культурное мышление в этих странах.

Читая вашу книгу, трудно не заметить сходство между венгерским и российским режимами. С вашей перспективы, война между Россией и Украиной была неизбежна или это был только один из возможных исходов? Если между политическими режимами, созданными Орбаном в Венгрии и Путиным в России, так много общего, то почему не мог возникнуть конфликт, например, между Венгрией и Румынией из-за венгероязычной диаспоры, или между Венгрией и Словакией?

Балинт Мадлович: Мы, действительно, проводим параллели между Венгрией и Россией, поскольку они часто являются главными примерами патрональных автократий в посткоммунистических режимах. Но необходимо делать различие между особенностями режима и особенностями страны. Проводимые нами параллели основаны на характерных чертах режимов, таких как патронализм и автократия. В этом режимы Путина и Орбана схожи. Однако особенности страны, в том числе география, геополитическое положение, природные ресурсы и роль спецслужб в их развитии после краха коммунизма, могут существенно различать эти две системы.

Это приводит нас к вопросу о войне. Одним из важнейших аспектов положения России является то, что она представляет собой цивилизационную сферу, особенно из-за православия и исторического опыта. Украина также принадлежит к этой цивилизационной сфере. Однако после Евромайдана Украина стремилась выйти из этой сферы и двигаться в сторону Запада, стремясь к интеграции с западным миром, а не к патронализму. Важно отметить, что это был не просто элитный проект — решающую роль в этом движении сыграл украинский народ. С точки зрения России предотвращение отделения Украины от своего цивилизационного региона становится жизненно важным. Россия пытается остановить распад своей цивилизационной сферы интересов.

Хорошо, но, если смотреть в такой логике, разве российский политический режим не мог, например, коррумтировать украинский политический режим? Вы пишете, что Украина была близка к тому, чтобы стать мафиозным государством в последние годы правления Кучмы и Януковича, однако коррупция и шантаж не привели к желаемому результату. Почему вместо этого окончательным решением стала война?

Балинт Мадьяр: Ни Кучма, ни Янукович не смогли построить до конца автократическую систему из-за отсутствия у них монополии на политическую власть. Этому препятствовали как народные восстания, так и устойчивые позиции олигархов. А война принесла столкновение двух режимов другого типа, по сути цивилизационную войну. Украинская идентичность трансформировалась из этнической в гражданскую.

Многие люди в России, независимо от их политических взглядов, даже за несколько дней до признания Россией независимости Донецкой и Луганской республик не верили в возможность полномасштабного вторжения. В отличие от Югославии, которая распалась вслед за крушением коммунистического режима, конфликты между крупными республиками бывшего Советского Союза возникли не сразу. Почему этот конфликт развивался так долго и почему именно в последнее десятилетие, а не в 1990-е годы?

Балинт Мадлович: Режимы со временем эволюционируют. Хотя в 2010 году автократическое правление в Венгрии стало нормой, это не означает, что система оставалась неизменной в течение последних 12–13 лет. Автократическая консолидация — это постепенный процесс, направленный на постепенное разрушение автономии СМИ, предпринимателей, НКО, гражданского общества и ограничения гражданских свобод.

В России автократический процесс начался раньше, с приходом Путина к власти. Он создал сеть влияния для консолидации власти. Аннексия Крыма почти десять лет назад стала важным этапом на этом пути. Путин стремился к росту популярности, и такая война, как аннексия, удовлетворила эту потребность. **Принятие ситуации западными странами еще больше воодушевило Россию.** Поэтому так важно продемонстрировать, что подобные действия не могут оставаться безнаказанными и что нельзя мириться с территориальными приобретениями военными средствами.

Балинт Мадлович

Facebook

Многие отмечают, что Венгрия сейчас, во время войны, занимает особую позицию, неформально фактически поддерживая Россию. Справедлива ли такая точка зрения и если да, то чем это обусловлено?

Балинт Мадьяр: Венгрия, подобно России, функционирует как автократическое государство с мафиозной структурой. В таких режимах государственные институты служат частным интересам, а коррупция становится составным элементом системы, функционирующей как преступная организация. Существуют коррумпированные связи между Орбаном и Путиным, приносящие финансовые и политические выгоды Орбану. Орбан также проявляет нелояльность к ЕС и НАТО, что видно в его частых вето, препятствующих единому действию внутри ЕС и вступлению Финляндии и Швеции в НАТО.

Что с этим можно сделать? Когда Венгрия присоединилась сначала к НАТО, а затем к ЕС, не предполагалось, что произойдет откат в демократическом управлении. Венгрия теперь находится в институциональной и личной зависимости от России. Более того, связи, симпатии, солидарность и семейный бизнес между автократами сильны. Их не волнуют права человека или демократические процедуры в других странах, и они считают эти вопросы внутренним делом. Язык, используемый Орбаном, требующим большего уважения от ЕС и западных политиков, напоминает язык, используемый боссами мафии, потребность в уважении. Действительно, это требование уважения часто применяется как форма шантажа. Точно так же Орбан использует лозунг о национальном суверенитете, чтобы отвлечь критику ЕС в адрес его преступных действий в то время, как он отказывается от того же суверенитета в пользу Путина.

Поэтому позиция Венгрии в войне сложная. Ей приходится балансировать, делая шаги в разных направлениях, но такую политику становится все труднее выдерживать в военное время. По мере обострения конфликта срединная позиция исчезает.

Сейчас вы готовите книгу, в которой соберете большое количество статей о российском и украинском политическом режимах, а также о войне. Почему для вас важно издать ее и было важно издать предыдущие на русском языке?

Балинт Мадьяр: Я принадлежу к поколению, которое изучало русский язык в школе. А Россию я впервые посетил в 1962 году, когда мы с родителями отправились в тур в Москву и Сочи. Спустя пять лет мы приехали вновь. В студенческие годы у меня была возможность побывать в разных городах Советского Союза, в том числе в Киеве, Москве и Ленинграде. В последнее десятилетие мне даже довелось читать лекции в России: в «Вышке» (ВШЭ), Сахаровском центре и «Ельцин-центре». Однако с тех пор некоторые организации были запрещены в России.

Этот опыт был невероятно важен для меня, и я считаю, что наличие таких больших книг, как эта, на русском языке, может принести пользу не только русскоязычному и этническому русскому населению, но и жителям всего бывшего Советского Союза. Это позволяет им узнавать себя на описательном, аналитическом языке,

который резонирует с их опытом.

Балинт Мадлович: В заключение скажу, что самые важные отзывы, которые мы получили, касались нашего предстоящего сборника статей о войне, в котором основное внимание уделялось не только войне, но в первую очередь ее структурным последствиям и тому, что произойдет после нее.

У нас запланировано два тома, один из которых посвящен Украине, а другой — России. Над обоими томами трудится более 30 авторов. Примерно от 50 до 60 % авторов — украинцы, также у нас есть несколько русских авторов и значительное количество венгерских. Мы очень рады возможности работать с украинскими специалистами с глубокими знаниями и опытом работы в своей стране, и они находят нашу структуру очень удобной для пользователей. В результате все главы в томах вписываются в согласованную концептуальную структуру, позволяющую использовать общий аналитический язык. Такие авторы, как Александр Фисун, Оксана Гус и Владимир Дубровский, среди прочих выразили признательность за возможность широко использовать эти концепции, выходящие за рамки господствующей либеральной демократии или сравнительных теорий.

Сосредоточив внимание на патронализме и исследуя различные типы режимов наряду с упомянутыми измерениями, авторы глубоко проанализировали различные вопросы, прежде всего возможные пути трансформации Украины и России после войны и социологические процессы, происходящие на заднем плане. Наш сборник будет выпущен издательством ЦЕУ в августе.

Есть ли способ вырваться из тисков мафиозного государства? Ведь мафии предельно успешно выживают. Какие существуют возможные пути, чтобы вырваться из этой ситуации?

Балинт Мадьяр: В мафиозных государствах особенностью является контроль не только над обществом, но и над оппозиционными силами. В таких режимах есть четыре типа оппозиционных партий.

Первый тип — маргинализированные партии, которые не имеют поддержки

господствующей патрон-клиентской системы, и у них нет шансов на выборы.

Второй тип — это одомашненные партии, такие как КПРФ или партия Жириновского в России.

Третий тип — ликвидированные партии, которые были закрыты административно или финансово. В Венгрии такое случилось с некоторыми партиями, потому что они представляли незначительную угрозу для главной правящей партии.

Четвертый тип — фальшивые партии, созданные правящей партией и политическими силами. Эти партии служат фасадом, чтобы правящая партия могла утверждать, что оппозиция вообще существует.

Процесс патронализации практически парализует и компрометирует оппозиционные силы, как это наблюдается в России. Невозможно представить сценарий, при котором какая-либо из политических сил прорвется на так называемых нормальных выборах. В Венгрии мы очень близки к этой ситуации.

Балинт Мадлович: Мы не слишком оптимистичны, особенно потому, что чем дольше продолжается процесс автократической консолидации и чем сильнее подрывается автономия общества, тем больше стабильность режима становится самосбывающимся пророчеством. Многие люди, выступающие против системы, разочаровываются.

Украина

Венгрия

Интервью

Россия

03.06.2023

Егор Сенников

интервью

Email|

Личные письма от редакции и подборки материалов. Мы не спамим.

Вместе за свободные знания: поддержите Perito на Patreon и Boosty

© 2016-2025 Perito

Полное копирование и воспроизведение материалов сайта в социальных сетях без разрешения редакции запрещается. Частичная перепечатка (до 2000 знаков с пробелами от общего объема материала) возможна. При перепечатке обязательно наличие в начале поста прямой активной индексируемой гиперссылки на источник публикации и кликабельной ссылки (тега) страницы Perito в социальных сетях.

Если вы являетесь собственником того или иного произведения и не согласны с его размещением на нашем сайте, пожалуйста, напишите нам по адресу info@perito-burrito.com.

Вы принимаете условия пользовательского соглашения и политику конфиденциальности данных.

О нас
 Как стать автором
 Политика конфиденциальности
 Пользовательское соглашение
[Сообщить об ошибке](#)

developed by hyperdev

18+